Заодно следовало бы разъяснить читателю, почему „ученый литератор“ XVIII в., владевший этим замечательным и, по мнению Мазона, во всех отношениях стоявшим выше Слова памятником, не опубликовал просто его, а предпринял сложный труд фальсификатора, по крохам собиравшего для своей подделки материал. Ведь как раз сам Мусин-Пушкин и окружавшие его ученые (предполагаемые фальсификаторы) издавали чрезвычайно охотно памятники древнерусской истории и литературы. Отчего же именно Задонщину они предпочли или уничтожить или спрятать? Куликовская битва в их сознании была крупнейшим историческим событием, победой, имевшей огромные политические последствия, и совершенно непонятно, почему поэтический рассказ об этой победе был тщательно скрыт, а вместо него появилось „своего рода поэтическое приложение к Ясскому трактату“ (1938, 3—4, стр. 199), политического смысла которого не поняла даже сама Екатерина II — а ведь именно ей и ее южной политике, по мнению Мазона, хотел польстить неизвестный придворный.

Даже Мазон вынужден признать, что императрица ничем не выразила своего отношения к поднесенной ей копии Слова: это было, по его мнению, „инстинктивное недоверие государыни, осведомленной в придворной лести и в измышлениях, отвечавших ее вкусу к прошлому и к величию“ (1944, 1—4, стр. 30). Этот придворный льстец был к тому же настолько скромен и бескорыстен, что он даже скрыл свое имя, и мы так и не знаем, кто же предпринял такой огромный многолетний труд, чтобы в итоге остаться непонятым именно той, кому он хотел угодить. Правда, А. Мазон почти „открыл“ этого таинственного „автора“. Он полагает, что „два ключа“ к тайне Слова заключаются в упоминании Тьмутаракани, Немиги и Дудуток (1939, 3—4, стр. 277): „Тьмутаракань и Дудутки — мы держим здесь два полюса русского империализма, как его понимает автор Слова о полку Игореве. Это два символа патриотизма этого автора; это также два основания (raisons), объясняющие вставки: обращение к тьмутараканскому болвану и неожиданную легенду о Всеславе князе Полоцком... Если бы в окружении Мусина-Пушкина мы нашли воина из Литовской армии 1792 г. или упоминание Дудуток в донесении об этой кампании, или имя одного из властителей Дудуток среди знакомых Мусина-Пушкина, — дверь открылась бы“ (стр. 277). Во всех этих рассуждениях А. Мазона полет фантазии ничем не сдерживается: надо совсем не понимать смысла Слова о полку Игореве, чтобы искать „ключи“ к нему — в упоминании Тьмутаракани, Немиги, Дудуток...

Как бы то ни было, ни одно из этих рассуждений не помогает нам понять, почему повесть о Куликовской битве в конце XVIII в. предпочли не издать, а уничтожить. Есть и еще загадка: Карамзин сделал выписки из Девгениева Деяния и из повести об Акире, которые, по мнению А. Мазона, нашли свое отражение в Слове, и, следовательно, служили источниками для его „автора“. Почему же использованный им текст Задонщины и Карамзину остался неизвестным? Или и он участвовал